

© Леонард И. Браев

Как нам сохранить Россию?

Часть 1. Вымрет ли Россия?

– А что Влад не пришёл?

– Не знаешь разве? Нет уже Влада.

– Да что ты говоришь? Наш богатырь – весельчак. Ему не было и сорока.

– Дорожная авария.

Влад был последним из семьи Барьевых. Все замолчали ошеломлённые, вспоминая его ласковую радушную маму, строгого отца, известного хирурга, умершего от инфаркта, маститого старика - деда, инвалида войны, который, гордясь, показывал нам пожелтевшие фото своего отца – бравого георгиевского кавалера с огромными усами. И вот не осталось никого. Исчезла фамилия.

Кто не слышал? Сокращение населения в России катастрофично, что-то по 0,7-0,9 млн. человек ежегодно. Нетрудно прикинуть, что при сохранении его нынешних темпов к середине века в стране останется около 100 млн. человек, а по другим прогнозам даже 80 млн., а еще через столетие – не останется ни одного россиянина. Цифры столь ужасающие, что кажутся нереальными; но, увы, такова реальность.

Специалисты, как отечественные, так и зарубежные, включая ООНовские, уже давно вопиют об этой тревожной демографической перспективе России, на биологический лад окрещенной ими «депопуляцией».

Тем не менее их мрачные картины «вымороченности нации», угроз ее выживания и пророчества неотвратимой трагедии, апокалипсиса и т.д., несмотря на их нередкую истеричность, по-настоящему не трогают наши политические верхи. Оппозиционеры используют их для нападок на правительство, а либеральные эксперты не ужасаются и, отмахиваясь, защищаются беспечностью. И в целом наши политики не прониклись серьезностью положения. Хотя если народа не станет, то зачем все современные производственные и политические усилия? Тогда все наша суэта бессмысленна.

Впрочем, как и проникаться-то? Присоединяться к хору причитателей, что ли? Если сами драматизаторы кричат – кричат, а *что делать* – не знают. В конце концов, теоретики откровенно признают: «Ничего сде-

лать нельзя». Так что их пессимизм становится утонченным оправданием бездействия, а проблему начинают прятать, потому что не знают, как с нею справиться.

Разумеется, никакого «вымирания» (в прямом смысле) живущих – от голода, эпидемии или чего-либо подобного – нет. Враг ползёт непонятный и невидимый, точно радиация. А ходкая метафора употребляется для красного словца и хороша для заострения внимания на беде и необходимости приоритета демографической политики.

Убыль населения является результатом годовых **дисбалансов** смертей (~2,2 млн.), рождений (~1,2 млн. детей) и миграции.

Сокращение населения в России началось давно, с рокового 1917 года. Причины были разные.

В первую мировую войну страна потеряла, по официальным данным на ее последний год, около 0,8 млн. убитых и умерших от ран, но по некоторым косвенным демографическим признакам – не меньше 2 млн. И все же население России – благодаря тогдашней высокой рождаемости – продолжало даже расти на несколько миллионов в год. Сокращение, притом обвальное, началось в гражданской войне 1917-22 гг. – на несколько миллионов ежегодно. Понятно, никакого системного учета в то лихолетье не велось, но, судя по провалам в соотношении рождаемости и смертности, в этом бешенстве сгорело от 20 млн. (по С.Г. Струмилину и Е.З. Волкову) до 25 млн. (по Ф. Лоримеру и Ю.А. Полякову). Наиболее вероятно, по-моему, около 17 млн., из них ~ 2-3 млн. пало в боях, около 3 млн. было казнено: расстреляно, повешено, зарублено; более 7 млн. умерло от голода, холода, тифа, холеры и 2-3 млн. бежало за границу.

Только, казалось, утих этот ужас, начался новый. Жертвы сталинского террора оцениваются в 20-40 млн. и даже выше – в зависимости от политических пристрастий считающих. Одна коллективизация 1929-33 гг. унесла несколько миллионов от расстрелов, высылки и организованного голода.

Потери в войну 1941-45 гг., естественно, не по официальным отчетам, а тоже по косвенным данным, составили еще около 40 млн.: более 20 млн. – на фронте и ~ 15 млн. среди гражданского населения на оккупированных территориях и в тылу.

Итого, не менее 90 млн. – таковы людские утраты России в кошмарах XX века.

Но с середины 1960-х годов проявилась новая напасть. На «провальной» фазе специфически российской демографической волны (эхе репрес-

сий и войн) в Российской Федерации в **1968** году рождаемость упала на 40%, с 2,8 млн. детей до 1,8 млн. – отчего *смертность ее превысила* и началось незримое таяние населения, с тех пор ставшее постоянным и ускоряющимся, хотя официально оно замалчивалось и в общесоюзной статистике маскировалось снижением детской смертности и высокой рождаемостью в Средней Азии и на Кавказе, но с 1992 г., после их отделения, стало явным.

В чем причины этой странной небывалой беды?

Начнем со смертности.

Наша статистика показывает, что причины участившихся смертей – не «естественные», «внутренние» – старость и болезни, а *«противоестественные», «внешние»*. В настоящее время из всех умирающих не менее трети (~ 0,7 млн.), а, может быть, и половина скашивается пьянством – между, по скромной прикидке, ~ 4 млн. алкоголиков и от 1 до 6 млн. наркоманов. Точнее неизвестно. В медицинском заключении о смерти ведь не пишут «от пьянства», а пишут что-нибудь вроде от «обморожения» или «падения»; самое большее – от «цирроза печени» или «алкогольной кардиомиопатии». В том числе ~ 40 тыс. в год, уже не обязательно алкоголиков, сходит в могилу от отравления поддельной водкой.

Несчетные таскаются по улицам городов бездомные бродяги («*бомжи*»), грязные и деградировавшие, кормящиеся отбросами, попрошайничеством, кражами и грабежами и скоро гибнущие. В одной Москве их насчитывают не менее 30 тысяч, то есть ~ 0,3% от ее 10 млн. населения; стало быть, по стране их сотни тысяч, заброшенных во имя «прав человека».

От врачебных ошибок, *рекламированного* самолечения и поддельных лекарств умирает свыше 100 тыс. больных в год. И неучтенное количество больных до времени умирает оттого, что не лечится, потому что лечение практически сделано платным, а они стеснены в средствах.

Около 100 тысяч человек погибает от травм и технических катастроф, в частности, ~ 20 тыс. от пожаров и ~ 40 тыс. в дорожных авариях (не считая ~ 350 тыс. раненых в них). Это больше 25 чел. на 100 тыс. населения, что почти вдвое чаще, чем в Испании, и в пять раз чаще, чем в Финляндии.

В драках и уголовных убийствах погибает ~ 30 тыс. (вдвое больше, чем в советское время).

Самоубийством кончает более 60 тыс. (вдвое больше так называемого «критического порога»), главным образом мужчины 45-59 лет, - от потери работы (в стране > 6 млн. безработных), утраты смысла жизни, неприспособленности к изменившемуся обществу, одиночества, подавленности («депрессии») и т.п. Но от суицида от нас ежегодно уходит также ~ 2,5

тыс. детей и подростков, – первое место в мире (на втором – США, ~ 1,8 тыс.), – обычно из-за конфликтов с родителями, со школой, обид, заброшенности и от неразделенной любви.

Итого, около 0,7 млн. губят пьянство и наркотики и еще треть миллиона – другие «внешние» причины, во многом вполне устранимые. От этой трагической картины чье сердце не содрогнется и не исполнится горечью?

Суммируя эти «дополнительные смерти» от устранимых причин, потрясенные демографы получили, что за 1965-2003 гг. в нашей больной родине они унесли 17 млн. жизней. Из них около 12 млн. человек ушло в рабочем возрасте, из них – 9 млн. мужчин (в среднем в 43 года). Утраты, сопоставимые с потерями от большой войны.

В России мужчины живут на 13 лет меньше, чем наши женщины и чем мужчины на Западе, – в среднем до 60 лет. Так что из 20-летних половина не доживает до пенсии. В промышленных странах разница в средней продолжительности жизни составляет ~ 7,4 года, но там она у мужчин – 73 года (в некоторых еще больше), а у женщин – 79 лет и выше. В слаборазвитых странах разница ~ 1,6 года (50,6 г. и 52,2 г.).

Чем вызывается краткость века россиян?

Дело не просто в пьянстве. Оно ведь само имеет причины. В советские времена более 80% мужчин были не в состоянии в одиночку содержать семью и чувствовали себя дома униженными. Но не радовала и «работа», отравляемая бюрократическим подавлением инициативности и ответственности и скрытой безработицей, оттого скукой бесконечных «перекуров» и небрежности – «халтуры». В колхозах из 12 млн. числившихся работников реально работало миллиона четыре механизаторов, да и те главным образом сезонно. Да еще сколько-то на фермах, обычно невероятно запущенных. В городах большинство заводов по полмесяца томилось в «простоях» из-за регулярного срыва «материально-технического снабжения», а потом их навестывало «штурмовщиной». Учреждения были переполнены избыточными должностями, где люди «заседали», заполняя ненужные бумаги, травили анекдоты и гоняли чай. А идеологи недоумевали: почему это люди пьянствуют? отчего распадаются семьи? отчего растет смертность?

Такая небрежная полупраздная работа была лишена как признательности, так и требовательности к профессиональной способности и здоровью человека, наоборот, прививала беспечность и пренебрежение к собственному и чужому здоровью, а материальная и духовная неудовлетворенность ею возбуждала потребность заглушить ее каким-нибудь пьяным дурманом. В промышленных странах тот, кто с утра напивается, будет сра-

зу же отвергнут, а у нас на это закрывали глаза: все равно ведь томиться на «простое». Спортом или хотя бы физкультурой у нас занимается ~ 10% населения (сейчас еще меньше), в США ~ 40%, в Германии ~ 60%.

Укорочение жизни, несомненно, обусловлено ее дурным способом. Характерно, что и в России мужчины с хорошей квалификацией и высшим образованием живут в среднем столько же, сколько и на Западе, ~ до 73 лет. Ведь во всех странах уровень смертности социально дифференцирован. В США средняя продолжительность жизни небелых ~ на 8 лет короче, чем белых.

На длительность жизни влияет также ее беспросветность или воодушевленность. Так, в 1985-90 гг., несмотря на пустеющие магазины, в эйфории ожидаемого обновления страны смертность снизилась на целых 40%, а рождаемость поднялась с 2,24% в 1981 г. до 2,5% в 1987 г. (впрочем, на демографической волне).

Пожалуй, одной из самых отвратительных особенностей большевистской номенклатуры было пренебрежение к жизни людей, когда они миллионами могли уничтожаться «по ошибке» или, как летом 1941 г. свыше 3,5 миллионов военнослужащих сначала в прямом смысле обезоружили и парализовали своими запрещающими приказами и по существу предали в плен, а потом подло объявили их же «изменниками».

И в проведении реформ наша посткоммунистическая бюрократия унаследовала подобную бесчувственность. Затягивание с переходом к рынку и одновременно неподготовленность к освобождению цен и к инфляции оборотных средств предприятий и всей финансовой системы страны обернулись *хозяйственным обвалом* 1991-95 гг., остановкой почти половины производства, массовой безработицей и невыдачей зарплаты и пенсий. Благо для успокоения совести у реформаторов была хорошая «теория»: «Рынок все поправит». (Впрочем, как раньше и у большевиков, тоже была благостная «теория» в оправдание любых жестокостей).

Этот «шок», не столько рыночный, сколько от экономической безграмотности и бюрократизма, не мог не сказаться новым скачком смертей. Потеря работы и уверенности привела к увеличению потребления алкоголя в 4,5 раза, попросту несчастные стали спиваться – и через пять лет алкогольной деградации смертность среди мужчин подскочила в 3,5 раза, кося в первую очередь маргиналов – опустившихся безработных и работяг низкой квалификации, а средняя продолжительность жизни упала с 61,5 до 59 лет. В дополнение к этой «сверхсмертности» вследствие откладывания браков и родов коэффициент рождаемости к 1999 г. упал до 1,17 ребенка – и численность детей (до 15 лет) в стране за 1989-02 гг. сократилась на треть, ~ с 34 млн. до ~ 23,7 млн.

С падением в 1992 г. советских границ их стало пересекать в обе стороны по несколько десятков миллионов человек ежегодно – и долго сдерживаемую эмиграцию прорвало. Всего за несколько лет страну покинуло не менее 5 млн. человек, хотя за 1992-01 гг. в Российской Федерации официально было *зарегистрировано* менее 1 млн. эмигрантов, но многие уезжали без указания цели или через СНГ. Так, в Германию выбыло ~ 0,5 млн. россиян, но там их прибыло > 2 млн.; в США выбыло ~ 115 тыс., а там их оказалось никак не менее 1,5 млн.; в Израиль уехало ~ 176 тыс. человек, а приехало туда более 900 тыс. (И едва и не половина из них этнические русские). Таковы чудеса нашего фантастического учета. Даже в маленькой Чехии поселилось более 100 тыс. россиян.

И эти эмигранты – люди не из самых пассивных и малограмотных; наоборот, среди них около 200 тыс. докторов и кандидатов наук, программистов и других специалистов высоких технологий. В одной Силиконовой долине США их живет теперь более 10 тысяч. В университетах США ~ 15% математиков и физиков – из России. В зарубежных русскоязычных общинах издаются свои газеты, открываются свои детсады, магазины, кафе, – по существу это разбросанные по миру кусочки России.

В отличие от малоквалифицированных нелегалов, рвущихся из отсталых стран, наших первоклассных специалистов Запад, естественно, принял с радостью. И почему нет, если Россия столь безумна, что разбрасывается своим главным богатством – людьми? Какие же теперь нужно создать у нас соблазнительные условия, чтобы хотя бы часть их вернулась на родину? Не кончающийся отъезд такой армии учёных вызывает уже опасения умирания российской науки вместе со старшим поколением ее работников. Экономические потери от этой «утечки мозгов» оцениваются в десятки миллиардов долларов ежегодно. Хотя разве же утрату людей можно оценить в деньгах?

С началом с 1999 г. экономической и политической стабилизации в стране смертность стала сокращаться, за последние четыре года ~ на 10%, рождаемость выросла ~ на 18%, эмиграция уменьшилась до ~ 107 тыс. человек (в 2002 г.). Тем не менее население продолжает быстро таять, за последние три года более, чем на 2,5 млн.

Некоторые практические выводы из анализа.

Для сбережения и продления жизни людей **необходимы**:

1. **Явный хозяйственный и общий прогресс общества** и оттого атмосфера социального оптимизма.

2. **Высокая требовательность, вознагражденность и престижность работы.**

3. Повышение квалификации населения, а для этого реальное качество образования в средней и высшей школе.

4. Успешное развитие национальной программы по здравоохранению. Надежное социальное страхование по болезни, безработице и старости.

5. Повышение ответственности медиков и аптек, а также продавцов алкоголя; запрет рекламы лекарств вне медицинских кругов.

6. Отнесение к уголовным преступлениям всякого взимания платы в *государственных* больницах. В обход страховой системы под разными предложениями уже до половины услуг в них сделаны для больных платными, а к ним привязаны и прочие, так что лечение становится недоступным для малоимущих.

7. Развитие системы защиты прав граждан через демократические самоорганизации и суды.

8. Улучшение дорог и дорожного движения.

Набирается много чего, и достигнуть этого не легко.

Но еще важнее то, что одно удлинение жизни людей не решает демографическую проблему. Оно продлевает период их трудовой активности и в этом, кроме прочего, его экономическая выгода обществу; но оно невозможно без огромных **расходов на здравоохранение**. В США в 19 веке они составляли 6% всех трат семьи, а сейчас – более трети, - рост в пять раз, а по объему – в десятки раз. Сверх того, односторонний процесс увеличения продолжительности жизни без соответствующего прироста новорожденных оборачивается другой бедой – старением населения, разрастанием в нем доли неработающих немощных пенсионеров. Едва ли кого развеселит перспектива старушечьей страны – из одних бабушек, даже почти без дедушек и почти без детей и внуков. Едва ли такая старческая страна жизнеспособна. Видимо, она обречена.

И вследствие недостаточности рождений, даже несмотря на высокую смертность, старение населения у нас уже сейчас довольно ощутимо: доля пенсионеров (мужчин старше 59 лет и женщин старше 54 лет) выросла до 21,5% (более 30 млн. человек), а с ней и нагрузка на медицину и пенсионный фонд, следовательно, на работающих. Но тем самым сокращение населения, понятно, не останавливается. Очевидно, спасение общества не просто в сбережении и продлении жизни живущих, но непременно еще и в рождении детей. И хотя рождаемость за последние два года заметно выросла, тем не менее она все еще низка.

Для простого воспроизводства населения, то есть чтобы хотя бы остановить его сокращение, России необходимо столько же замещающих его рождений; таким образом, не менее 2,2 млн. новых людей ежегодно, а для

этого каждая наша семья должна иметь в среднем не менее 2,1 ребенка. А чтобы начался заметный рост населения, в большинстве семей должно быть не менее 3 детей.

Но как этого увеличения рождений добиться? Казалось бы, дело нехитрое и приятное, за тысячелетия технология отработана. Как язвил грибоедовский Чацкий: «Чтобы иметь детей, кому ума недоставало?». Но вот тут-то и встает какое-то незримое препятствие – женщины почему-то беременности и родов избегают.

Упорная мысль наших встревоженных экспертов давно бьется над поисками панацеи от этой тайной препоны «естественному росту населения».

Сегодня в России 2/3 забеременевших делают аборт; это ~ 2,5 млн. в год, второе место в мире; отчего к тому же ~ 200 тыс. женщин становятся бесплодными. В других европейских странах процент населения, пользующегося контрацептиками, втрое больше, а аборт в пять раз меньше.

Спасение, кажется, вот оно: запрети аборт – и рождаемость превысит смертность, начнется рост населения. Этот путь горячие головы не раз пробовали и у нас, и в других странах. Рождаемость, и впрямь, подскакивает на 30-40%, но на первые год-два, а потом распространяются контрацептики, нелегальные и зарубежные аборт, - и рождаемость опускается на прежний уровень, да вдобавок от нелегальных абортов возрастает численность бесплодных и умерших женщин. Сегодня в Польше аборт запрещены, а рождаемость такая же низкая, как и в России.

Очевидно, нежеланная беременность и нежеланные дети – не выход.

Так как же вызвать это **желание** детей? Изменить мотивацию? Призывами газет, радио и телевидения, что ли? Кто верит, что они помогут?

Чтобы повысить рождаемость, должно быть, надо понять **причины** ее снижения.

Обычно думают: причина воздержания от родов – в отсутствии хороших материальных условий. Это как будто бы подтверждают и социологические опросы: до 40-50% женщин объясняют его низкими доходами и отсутствием жилья и уверяют, что при улучшении условий готовы родить еще. Однако, в действительности, такие заявления – чаще всего отговорки, искренние самооправдания, а на деле, как показывает практика, они при любых условиях рожать больше просто не хотят, в чем в итоге и признаются. На вопрос социологов о причинах воздержания от ребенка следуют обычные сетования на нехватку зарплаты, жилья, детсада, бабушки, на семейные болезни и конфликты; но когда спрашивают: «При каких условиях вы завели бы третьего ребенка?» – решительно отрезают: «Ни при каких».

Но почему же?

Потому что ключ к рождаемости не в премиях.

В разных странах государство принимало самые внушительные программы социальной поддержки семьи: даются и детские сады, и бесплатная одежда детям, и талоны на питание, и бесплатные завтраки и обеды в школах – всего около девяти разных видов помощи. Особенно велики такие *пособия* и *льготы* во Франции, достигая на третьего ребенка 30-40% к заработку главы семьи, – так что такое экономическое стимулирование рождаемости стало заметно замедлять экономический рост страны. Но в естественном росте населения никакого сдвига добиться не удается. Уже столетие государство пытается регулировать рождаемость. Испробовано все, что предлагалось, и все без толку.

В бессилии перед такой непонятной неподъёмностью женщин звучали призывы давать за каждого ребенка какую-нибудь солидную денежную премию, скажем, по тысяче долларов в месяц. Нечто подобное в свое время пробовали делать в Чехословакии, но эти непостижимые женщины не хотят рожать ни за тысячу, ни за две. Сейчас на Украине пообещали по 1,5 тысячи долларов за ребенка, правда, не ежемесячно, а только один раз при рождении. Посмотрим, что из этого получится.

Подобные премии и пособия способны, конечно, осчастливить родителей, но не стимулировать. Прежде всего им рады опустившиеся люмпены и маргиналы. В США многие из таких бедных обитателей гетто десятилетиями живут на них, рожая чуть не ежегодно. Но не торопитесь заключать, что на них действуют материальные стимулы, поскольку они и без всяких вознаграждений рожают без ограничений – просто по безразличию к рождению, резонно говоря: «Хуже не будет» и, социально не ответственные, не заботятся о своих детях, обрекаемых стать такими же алкоголиками, наркоманами и уголовниками. Но нужно ли обществу *такое* “пополнение”? Важно ведь не просто рождение, а воспитание и обучение.

В большинстве промышленно развитых стран Западной Европы и в Японии рождаемость составляет в среднем ~ 1,2% от численности населения и находится на грани смертности или даже ниже ее, а в Англии (1,6%) или во Франции (1,6%) ее превышение дают *цветные мигранты*, приносящие уже половину всех новорожденных; тогда как коренное европейское население в них тоже сокращается и стареет.

В отчаянии теоретики опускают руки: ничто, никакие меры не способны поднять рождаемость, – и вспоминают печальную идею Л.Н. Гумилева о временности всех народов на свете, предполагая, что, возможно, европейские нации – и впереди всех Россия – вступили в «нисходящую ветвь» своей истории, необратимый процесс своего угасания.

Урок этих тщетных попыток понять и поднять рождаемость, видимо, таков: государство не может и не должно *покупать* детей у своих граждан. Люди рожают детей **для себя**, а не для государства или еще кого-то. Дети нужны прежде всего семье. Но отсюда следует, что *главная причина* малой рождаемости – нехватка **потребности** в детях.

Об этом кричат и малодетность современных семей, и страшные факты беспризорных детей. В последние годы в Российской Федерации около 2,5 млн. их слоняется по улицам, оставаясь безграмотными. Разумеется, это чада большей частью опустившихся родителей. А около 0,7 млн. официально зарегистрированных малюток живет ~ в 280 тысячах домов ребенка и детдомов. И 80% из этих сирот очутились там при живых родителях! Эти дети не нужны родителям и брошены. Мыслимо ли было такое представить?

В этих государственных приютах дети воспитываются отгороженными от реальной жизни, в ее незнании и привычке к постоянной опеке и безынициативности, часто плохо учатся – и их питомцы оказываются не приспособленными к миру, к тому же выбрасываются в него, не имея ни крыши, ни какой-либо человеческой опоры; в итоге ~ 10% из них кончают самоубийством и еще около трети попадают в уголовники. Но в семьи забираются и усыновляются всего каких-то 8% из них, половина – за рубежом.

Это ли не свидетельство, что мы *недостаточно любим* детей, что теряется потребность в детях?

Но почему?

Уже много веков специалистов поражает парадоксальная закономерность: в самых богатых промышленных странах рождаемость низка и продолжает уменьшаться, несмотря на рост благосостояния, а там, где материальные условия самые плохие, в бедных странах Африки и Латинской Америки и в нищих кварталах развитых стран семьи крайне многодетны, так что для планеты в целом главной опасностью оказывается вовсе не низкая, а *чрезмерно высокая рождаемость*.

И по российской статистике, у нас в бедных семьях детей больше. У половины наших семей, имеющих ребенка, достаток даже ниже прожиточного уровня.

Впрочем, сегодня Россия и в этот парадоксальный аршин не укладывается, ибо у нас общая рождаемость, опускаясь до 0,91%, такая же или ниже, чем в богатых странах (в среднем 1,2%), а смертность (~ 1,54%) выше, чем в бедных (~ 1,16%). Демографы прозвали это пересечение *«российским крестом»*.

Этот демографический парадокс, как и его российская аномалия, ставят в тупик и демографов, и социологов. Признанного **объяснения** ему

нет, хотя, надо думать, в его объяснении как раз и таится преодоление наших демографических бед, ибо способ достижения какой-либо цели создается обращением следствия в цель, а его причины – в средство.

Мне кажется, моя нецеситная социология позволяет открыть его причины. Но их исследование, давайте, отложим на третью часть настоящего анализа, а сначала рассмотрим часто предлагаемый ленивый способ пополнения населения – за счет приезжих из других стран.

© Леонард Иванович Ибраев, доцент МарГУ,
424002, г. Йошкар-Ола, ул. Рябинина, 7 А, кв. 16. E-mail: libraev@mail.ru

---

С августа 2005 г. статья рассылалась в журналы *«Новый мир»*, *«Москва»*, *«Знамя»*, *«Нева»*, *«Звезда»*, *«Октябрь»*, *«Знание – сила»*, *«Огонек»*, *«Новое время»* и в газеты *«Известия»*, *«Новые известия»*, *«Российская газета»*, *«Труд»*, *«Трибуна»*, *«Независимая газета»*, *«Литературная газета»*, *«Единая Россия»* и другие.

Однако нигде к опубликованию её не приняли. Едва ли потому что сочли бессодержательной и неважной. Скорее всего за тягостность открывающейся реальности? Или не отважились на публикацию? И как теперь повелось, чаще всего не удостоили даже ответа. Но, льщу себе надеждой, моя настойчивость не была совсем уж напрасной: вероятно, они все же способствовали политическому возбуждению, поднявшемуся вокруг темы с весны 2006 года.